

М.Ф. ДЕ-ПУЛЕ - РЕДАКТОР "ВИЛЕНСКОГО ВЕСТНИКА"

M.F. DE-POULET - THE EDITOR OF "VILENSKY VESTNIK" NEWSPAPER

A. Kotov

Annotation

The article is devoted to the most important page of journalistic activities of M.F. De-Poulet, who had become an editor of "Vilensky Vestnik" newspaper in 1867. During this period, the newspaper stepped into controversy with nationalistic press, which accused E.T. Baranov's administration in sabotage of the russification of the North-West region of Russian Empire. Underlining its ideological proximity to Katkov's "bureaucratic nationalism", De-Poulet championed his concept of "russification", which did not affect the religious sentiments of national minorities of Empire.

Keywords: De-Poulet, Katkov, Aksakov, Koyalovich, conservatism, nationalism, slavophilism.

Котов Александр Эдуардович
К.ист.н., доцент Государственного
университета морского и речного флота
им. адмирала С.О. Макарова, С.–Петербург

Аннотация

Статья посвящена наиболее яркой странице публицистической деятельности М.Ф. Де-Пуле, в 1867 г. ставшего редактором газеты "Виленский вестник". В этот период газета ступила в полемику с изданиями "русского направления", упрекавшими администрацию Э.Т. Баранова в саботаже русификации Северо-Западного края. Подчеркивая свою идейную близость к катковскому "бюрократическому национализму", Де-Пуле отстаивал свою концепцию "обрусения", не затрагивавшую религиозных чувств инородческого населения окраин.

Ключевые слова:

Де-Пуле, Катков, Аксаков, Коялович, консерватизм, национализм, славянофилизм.

Михаил Федорович Де-Пуле (1822–1885) – довольно известный в свое время воронежский просветитель и публицист "катковского направления", – остался в истории русской литературы как биограф поэтов Кольцова и Никитина. Его политическая публицистика была довольно быстро забыта, заслоненная от позднейшего поколения монументальными фигурами Достоевского, Каткова, Соловьева и Леонтьева. Лишало её колорита и стремление "воронежского француза" к объективности и примирению различных борющихся в пореформенной России партий – "русской" и "польской", "либеральной" и "консервативной".

Еще в воронежский период своей биографии Де-Пуле сотрудничал в либеральных периодических изданиях – "Русском слове", "Атенее" и других. В начале 1860-х гг. он публиковался в аксаковском "Дне", редактировал "Воронежские губернские ведомости", пытался выпускать свой журнал – "Воронежскую беседу". В 1865 г. Михаил Федорович перебрался в Вильно, где стал инспектором тамошней классической гимназии и сотрудником, а затем и редактором местного официоза – "Виленского вестника". В большинстве справочных изданий указано, что он занимал эту должность в 1865–1868 гг. Это не совсем так. Весь 1865 г. "Виленский дневник" выпускался

прежним редактором – поляком А.Г. Киркором, и лишь в ноябре там появилось объявление о подписке на 1866 г., в котором был указан новый состав редакции: А. Забелин, П. Рощин и М. Де-Пуле. Однако с двадцать второго номера ежедневной на тот момент газеты имя Де-Пуле со страниц исчезает. А.И. Забелин редактирует газету в духе чистого "русского направления", в упрощенном виде пересказывая основные идеи И.С. Аксакова. На её страницах постоянно обличаются "польская интрига" и "польский катехизис", резко осуждается нетерпимость католиков не только по отношению к православным, но и к собственным диссидентам–протестантам. Лишь в ноябре на первой странице "Виленского вестника" появилось объявление, сообщавшее о переходе газеты под редакцию М.Ф. Де-Пуле и о том, что "новая редакция не водружает никакого нового знамени. Знамя ее старое, многовековое: здешний край – искони русский; здешняя газета должна быть вполне русской; русское литературное слово призывается к великому делу обрусения края" [2]. И лишь 15 декабря новый редактор решился посвятить свою передовицу главному интересовавшему его вопросу – русификации Северо-Западного края. Однако пока он не стал раскрывать своих взглядов, ограничившись лишь указанием на целесообразность соблюдения осторожности в столь важном деле [20].

Издание "Виленского вестника" в 1867 г. – пожалуй, самая яркая страничка в публицистической биографии Де-Пуле. Позже Михаил Федорович вспоминал, что "прибыл в этот город в самом начале 1866 г., когда главное дело – усмирение мятежа и надел крестьян землю, – было давно покончено; оставались частности, подробности; предстояла деятельность спокойная, культурная, умиротворяющая. Но вместо этого пришлось встретить вражду самую жгучую, видеть явления диковинные!" [22, с. II] Первым оппонентом "Виленского вестника" стала, разумеется, "Весть" – видевшая в начатой еще Муравьевым "народной" политике опасные демократические тенденции. Отвечая на статью польского помещика, критиковавшего на страницах "Вести" деятельность мировых посредников, Де-Пуле в одном из первых же номеров своей газеты вполне по-катковски обвинил оппонента в неискренности стремления стать русским дворянином [3]. Но критикой "Вести" во второй половине 1860-х гг. было уже никого не удивить. Свою уникальную нишу Де-Пуле нащупал, заговорив о теории и методологии проводившегося в Северо-Западном крае "обрусения". Поднят был этот вопрос в связи с вопросом еврейским. В одной из январских передовиц Де-Пуле отметил, что "так называемый "еврейский вопрос" давно порешен и покончен почти всеми правительствами Европы; дарование евреям гражданских прав послужило ключом для его разрешения и единственным средством для объединения израильского племени с теми народами, среди которых оно живет".

Однако в России, по его мнению, этот вопрос еще не был исчерпан, т.к. отечественные "юдофобы" обыкновенно ставили его на ложную основу – религиозную.

Подобно М.Н. Каткову, Михаил Федорович видел в русском еврействе союзника в борьбе с "полонизмом": "Наши юдофобы не обращают ни малейшего внимания на тот факт, что евреи, живущие в Западной России, не ополячены [...] Эта масса осуждается некоторыми на окончательную погибель; ей отказывают во всем, даже в преданности к русскому правительству и к русскому отечеству, – что уже положительная клевета. Но не говоря о массе, [...] не доверяют даже передовым, вышедшим из нее людям, по-русски образованным, всему русскому преданым, которым не сочувствовать было бы невозможно, ибо они желают действовать под одним с нами знаменем – обрусения". Вполне катковским был и рецепт предлагавшегося Де-Пуле "окончательного решения" вопроса: "Распространение русского языка и русского образования между евреями, нравственная поддержка тех из них, на помощь которых мы можем рассчитывать в этом деле, – вот главнейшие интеллигентные средства, которыми только и разрешается "еврейский вопрос". [...] Евреи должны обрусеть непременно и надолго должны оставаться в здешнем крае, где сама история свила для них крепкое гнездо" [4].

После этой публикации на "Виленский вестник" обрушились практически все периодические издания "русского направления". Во многом спровоцировал их сам редактор, упрекнув в антисемитизме прежнюю, забелинскую, редакцию своей газеты. На обвинения столичных газет Де-Пуле старался реагировать с юмором: "В некоторых корреспонденциях назад тому три месяца нашу газету называли еврейскою и нас, без сомнения, крепко обвиняли в юдаизме, как теперь, не стесняясь, обвиняют в полонизме. Но как согласить совмещение в одном лице, или в лицах известного направления, таких противоположных и враждебных начал, как юдаизм и полонизм? [...] И чем наиболее и чем скорее проникаются эти лица – полонизмом или юдаизмом? Нам кажется прежде всего удобнее и всего скорее проникнуться полонизмом, а потом уже юдаизмом; но как же с нами случилось наоборот? Предлагаем эти вопросы на разрешение корреспондента "Голоса" [15].

Не менее актуальным был в Северо-Западном крае польский вопрос. И здесь у Де-Пуле обнаружились весьма серьезные расхождения с М.Н. Катковым. Редактор "Виленского вестника" решительно отрицал существование "польской интриги" и отказывался считать её "блудливую руку" сколько-нибудь значительной угрозой русскому влиянию в Северо-Западном крае: "В ней самой нет внутренней силы, она – сила только здесь, в Северо-Западном крае, до тех пор сила, пока бессилие всё, ее окружающее. Стань на место нашего бессилия наша русская цивилизация, – польская не долго выдержит борьбу: ополчение сделается невыносимым и скоро исчезнет". Однако утверждая, что "обрусение для поляков и евреев обязательно", Де-Пуле вновь "возвращался" в катковский "лагерь" [5].

Русификация по Де-Пуле должна было носить прежде всего гражданско-политический характер: "И закон мои-сеев, и тем более, католический закон, как христианский, и к нам ближайший, не мешают отдельному человеку обрусеть, сделаться русским, не претендуя на полноту этого понятия". Впрочем, тут же публицист оговаривался: "Обрусеть значит если не полюбить всё русское от души и сердца, то проникнуться к нему полным уважением, воспринять, насколько это возможно, влияние тех начал, которых хотя и нет в той или другой племенной жизни, но которые положены в основу жизни государственной и присущи господствующей народности. Русский иноверец обязан уважением к православию как к религии, которую исповедует господствующее племя, к которому принадлежит и он. Русский иноверец не принуждается быть православным; но чем более он желает быть русским, тем более он должен понимать – из каких начал сложилась русская народность. [...] То же можно сказать и о других "началах русской народности", которых нет в племенах, подлежащих обрусению: все дело в дружелюбном или во враждебном к ним отношении..." Завершалась первая

посвященная "обрусению" передовица Де-Пуле следующим утверждением: "Путь обрусения есть путь цивилизации и ведет непременно к миру, – и с самим собою, и со всем русским, а не ко вражде" [5].

Заявленное с самого начала "невнимание" "Виленского вестника" к вероисповедному вопросу не могло не возмутить И.С. Аксакова – и следующую редакционную статью Михаил Федорович посвятил тщетным попыткам успокоить Ивана Сергеевича: "Очень жаль, что новая газета "Москва" поспешила разразиться над нами своей диатрибой, остановившись на одном только №1 "Виленского вестника" и не выслушав до конца, что мы скажем". Здесь Де-Пуле впервые высказал мысль о необходимости различных этапов русификации: "О полнейшем обрусении мы не сказали ни слова. [...] Разные, конечно, бывают степени обрусения; полнейшее наступает только тогда, когда ассимиляция закончит свое дело и субъект, подлежащий ей, перестает быть обруселым поляком, евреем, татаринном и пр., а становится вполне русским". При этом, по мнению Де-Пуле, "прирожденный русский человек, будучи иноверцем, остается вполне русским человеком и не нуждается в обрусении" [6].

Последний тезис очевидно является диаметральной противоположностью позднейшим "прозрениям" К.Н. Леонтьева, озвученным в переписке с В.В. Розановым: "русское царство, населенное православными немцами, православными поляками, православными татарами и даже отчасти православными евреями, при численном преобладании православных [...], и русское царство, состоящее, сверх коренных русских, из множества обруселых протестантов, обруселых католиков, обруселых татар и евреев" [23, с. 110–111]. Однако Де-Пуле сопровождал свои "антилеонтьевские" тезисы соответствующими оговорками: "Мы должны от всего сердца желать как можно больше миссионерских подвигов в местном православном духовенстве, должны поддерживать в нем эти подвиги; но там где еще нельзя рассчитывать на успех борьбы, там религиозная нетерпимость с нашей стороны более, чем бесполезна. Уничтожьте, повторяем, во враждебных нам началах вредоносную силу, – и тогда нечего будет бояться". "Чуждое" России католичество также можно было путем русификации лишить "вредоносной силы" – и здесь Де-Пуле, по собственному утверждению "принадлежал всегда к числу партизанов (т.е. членов партии – А.К.) "Московских ведомостей"" [18].

В одном из последних своих номеров Де-Пуле сочувственно цитировал гиларовские "Современные известия", писавшие о вреде как отождествления церкви и государства, так и о вреде отождествления враждебной государству народности с какой-либо церковью: "Вред, неминуемо сопряженный с подобною системой, очевиден. Однако эта система нашла себе применение у нас. [...] Польская партия всячески старалась о недопущении в

костелы языка русского, в чем ей со стороны русской власти способствовал какой-то непонятный страх за православие, для которого считалось опасным употребление русского языка в иноверческих церквах. [...] Таким образом, [...] правительство как бы само способствовало ополчению русского народа в западном крае, не допуская для него ни проповеди, ни катехизиса, ни молитвенников иначе, как на польском языке". И "Виленский вестник", и "Современные известия", и упоминающиеся в цитируемом тексте "Московские ведомости" были убеждены в том, что "упразднение польского вопроса невозможно без разобщения католицизма от полонизма через допущение русского языка в католической проповеди, молитвенниках и тех частях богослужения, где ныне употребляется язык польский; ибо латинский язык, употребляемый при литургии, для нас не опасен и притом составляет как бы догматическую принадлежность латинской церкви" [21].

В этот период на страницах "Московских ведомостей", "Москвы" и временно присоединившегося к "русскому направлению" "Голоса" всё чаще появляются корреспонденции из Северо-Западного края, указывающие на то, что администрация Э.Т. Баранова не стремится к русификации региона. Защищая местную власть, Де-Пуле утверждал: "Мы дорожим общественным мнением, насколько оно выражается в лучших органах нашей печати; мы еще не забыли, насколько обязан ему Западный край в последнюю смутную пору; в поддержке общественного мнения нуждались и всегда будут нуждаться русские люди, приходящие в край для великой работы его обрусения, для распространения в нём основных начал русской жизни. Общественное мнение упрекает этих рабочих в молчании, от которого будто бы край застилается туманом. Упрек несправедливый, ибо работа идет молча" [9]. Разумеется, сам "Виленский вестник" в меру своих сил пытался эту работу освещать. Обсуждались на страницах газеты и проблемы распространения русского землевладения в крае, неоднократно указывалось на необходимость его скорейшего соединения железными дорогами с центральной Россией [7], много говорилось о вопросах образования – тем более, что в силу своего рода деятельности Де-Пуле был специалистом в этом вопросе и с полным правом мог утверждать, что "после крестьянского, русским по преимуществу делом в Северо-Западном крае должно быть учебное" [11]. Неоднократно публиковавшийся в катковских изданиях М.Ф. Де-Пуле постоянно подчеркивал, что в этой сфере он также является "партизаном "Московских ведомостей"" [19]. Те же вопросы, в которых он не разделял убеждений Каткова – например, в вопросе о классических языках, – Михаил Федорович на страницах "Виленского вестника" обходил молчанием.

В целом сложившуюся в Северо-Западном крае общественную атмосферу Де-Пуле характеризовал как

весьма неоднозначную: "Край ведь и ополячен, и обрусен вместе, т.е. представляет такую нравственную физиономию, такую физиологическую помесь, удовлетвориться которой не может ни народное чувство, ни государственный интерес: нет ничего (или так мало) цельного, полного, органически типичного!" В подобной ситуации "русский деятель в крае и чиновник еще долго будут понятиями синонимическими" [14]. Жалобы виленских корреспондентов столичных изданий на различные чиновничьи злоупотребления были для "Виленского вестника" поводом заявить: "Но ведь русский чиновник есть вместе и русский человек, первая, вызванная правительством, сила для обрусения, от которого вы, как говорите, не прочь" [13]. С легкой руки Каткова, во время польского мятежа 1863 г. обвинявшего бюрократию в государственной измене, столичная печать "русского направления" всё чаще обвиняла в ней же местное чиновничество. На страницах "Виленского вестника" Де-Пуле тщетно пытался затронуть сентиментальные струны некогда романтической души "московского громовержца": "В сочувствии мы все здесь нуждаемся. [...] Пора нам перестать играть в "измену" и считать самих себя уже из рук вон простаками. Не радостна и без того, без этих намеков и оскорблений, жизнь "виленского деятеля", прибывшего сюда с востока. Вильна Капуей может показаться разве обитателям чердачных подвалов. Проститься с этой Капуей – для многих заветная мечта. Борьба всех родов и подозревающие, оскорбительного свойства крики лишь ускоряют осуществление этой мечты; удерживает, дает устоять, поднимает силы лишь вера [...], доверие к людям [...]. Нет, Вильна не Капуя и виленские русские, если только они не успокаиваются на "белоруссизме", еще долго будут нуждаться в нравственной поддержке и в сочувствии от русских Москвы, Петербурга, Харькова, Казани, – от всего русского востока, где колыбель, корень и рост нашей народности и гражданственности" [18].

Чем больше Де-Пуле защищал от нападок прессы местное чиновничество, тем рельефнее выступал на первый план главный враг и объект его критики – "новое литературное направление какого-то памфлетно-публицистического характера": "Этим направлением мы обязаны последнему польскому мятежу. Мы понимаем значение памфлета и допускаем обстоятельства, при которых он приносит несомненную пользу; но вводить памфлет в публицистику, в серьезные книги, и вместе с ним вносить в них то, чего не след бы и показывать, – об этом нельзя более и бесполезно умалчивать" [8]. Очевидно, полемика эта была для Михаила Фёдоровича вполне утомительна: "Наперед можно знать, даже не читая, о чем будут говорить корреспонденции из нашего края в "Вести", о чем в "Москве", "Голосе" и т.п." [12]. Однако безответственная критика нередко анонимных корреспондентов не оставляла ему возможности от молчаться: "Корреспондентская литература, обвиняя нас за всё про всё, создает для редактора газеты положение новое, еще не слыханное ни

в одной литературе: положение "фискаля", "прибыльщика". [...] Сама эта корреспондентская литература, ее вторжение в область публицистики, вавилонское пленение этой последней в некоторых органах нашей печати, – все это невозможно нигде, ни в одной литературе, ибо все это не продукт широкой гласности, не свободы печати, не знания дела, не государственной и экономической мудрости. [...] Все, что было говорено нами, т.е. все наши основные взгляды на русское дело в крае, на обрусение, еще недавно разделялись теми же органами печати, которые принимают теперь на свои страницы направленные против нас корреспонденции" [16].

Течение полемики с изданиями "русского направления" уносило Де-Пуле всё дальше от националистических берегов. В феврале 1867 г. он вступил в полемику с М.О. Кояловичем. Этот выдающийся историк-славянофил со страниц аксаковской "Москвы" обвинил "Виленский вестник" в полонофильстве и пренебрежении интересами этнических русских. В ответ на это Михаил Фёдорович вспомнил о статье Кояловича, вышедшей на страницах "Виленского вестника" при прежней, забелинской редакции – летом 1866 г. Статья эта, "Московские ведомости" и Западная Россия", заслуживает отдельного рассмотрения. Она была направлена против катковской концепции русификации католичества, адептом которой считал себя и Де-Пуле.

Коялович отмечал, что после закрытия аксаковского "Дня" в стране установился "деспотизм фальшивейших мнений и нигде в России это так не почувствовалось, как в Западной России", где "нет русского общества и не скоро оно будет, здесь нет общественных изданий и долгое время они еще не будут возможны". "Московские ведомости", по мнению Кояловича, сыграли большую роль во время мятежа 1863 г. Однако после подавления последнего "идеи примирения, компромиссов, легких, деликатных ассимиляций стали носиться в общественной атмосфере и западать в разные головы. Как ни странно казались эти идеи западно-русским людям, но как идеи, казались гуманные, добрые заставили призадуматься многих. "Московские ведомости" не задумывались ни минуты, и с такой же смелостью перешли к внутренним западно-русским вопросам, с какою брались за политические и общегосударственные, забывая, что для последних и наука, и жизнь сделали много, а для первых почти ничего". Высказанные катковской газетой "с авторитетным незнанием дела" "невероятные вещи об отделении народности от веры" стали возможны в силу ряда особенностей "Московских ведомостей", "не совместимых с западно-русской жизнью". Историк утверждал, что "Московские ведомости", кроме политической и гражданской специальности, обладают еще одной специальностью, так сказать, интеллигентною. Интеллигенция у них единственный конек, на котором они ездят в политику и государственность. Народ у них.... что такое народ у

"Московских ведомостей"? Что-то такое, чего "Московские ведомости" не знают, и не зная, не желают знать". Катковский же тезис о том, что "для разрешения западно-русского вопроса народ не нужен, а нужна интеллигенция" Коялович воспринимал как "нечестивые слова", которые ему хотелось бы "выжечь" [1].

Де-Пуле в ответ выразил сожаление, что "в авторе статьи исчез литератор под непривлекательным образом памфлетиста" и поспешил "успокоить почтенного археолога": "о предоставлении всех русских прав начинающим русеть мы не сказали ни полслова, хотя, полагаем, должны будем и здесь разойтись во взглядах с г. Кояловичем; не говорили, если не ошибаюсь, об этих правах и "Московские ведомости"". На приведенные же выше опасения Кояловича виленский публицист ответил личным выпадом: "автор, сильный, может быть, в своей науке, слаб в понимании жизни. Легко говорить разные хорошие и устрашающие фразы; легко выжигать гусиным пером нечестивые слова своих литературных соперников; еще легче сочинять теории и по ним выкраивать жизнь; легко даже издеваться над болезнями века: но как трудно, вдаваясь в философию или увлекаясь юмором, что иногда выходит одно и то же, сохранить в себе смысл понимания жизни и человеческое чувство" [8].

Всё больше увлекаясь полемикой, в дальнейшем Де-Пуле направил свои выпады уже против редакции "Москвы", ударив, пожалуй, в самое её болезненное место: ""Москва" представляет странную двойственность: с одной стороны она тянет старую песню, толкуя о давно решенном вопросе о "народности"; с другой, как ежедневная политическая газета, обязанная обсуждать насущные вопросы минуты, она вдается в беспрестанные промахи. Старое знамя выпадает из ее рук, нового она себе еще не выбрала". Де-Пуле отмечал прежние заслуги славянофилов и "плодотворную деятельность" предыдущей газеты И.С. Аксакова, в которой, по его мнению, было сказано "последнее слово о народности". Теперь же "последнему из отцов" славянофильства оставалось "сидеть на задах и отодвигаться от нетерпящих отлагательства требований жизни" [10].

Разумеется, переубедить И.С. Аксакова "Виленскому вестнику" было не под силу. Михаилу Федоровичу оставалось смириться с тем, что "нас "Москва" не возлюбила с самого начала и до сих пор продолжает относиться к нам враждебно. Не могли и мы платить ей приятию, не могли не относиться к ней полемически, тем более, что в ней постоянно появлялись самые бессодержательные корреспонденции, с большими, однако, претензиями на глубину и дидактичность". Не без доли обиды Де-Пуле напомнил, что и сам перебрался в Вильно во многом после призыва И.С. Аксакова – наряду с "Московскими ведомостями" "День" активно агитировал образованных провинциалов ехать в Польшу и Северо-Западный край "на разные

поприща деятельности, преимущественно же для деятельности "культурной"". Однако за целый год, прошедший с закрытия "Дня" и основания "Москвы" прошла "чуть не вечность". Напротив, для самого Де-Пуле это время прошло не зря: "два года в крае научили нас больше, чем обладает редакция. [...] Органическая деятельность, для которой требуются годы, разрушает многие иллюзии, сокрушает многие начала. Стоя лицом к лицу перед нею, мы уверены, что и такой стратег русских сил, как г. редактор "Москвы", оказался бы не полным ее выразителем". Несколько предвосхищая события, Михаил Федорович утверждал: "Органическая деятельность, например, положительно упраздняет "вопрос белорусский", который в своем извлечении (in abstracto) то же, что вопрос "украинский". [...] В здешнем крае один главный вопрос: русский. За ним следует вопрос вероисповедный и инородческий – еврейский и жмудско-литовский. Такова государственная, политическая постановка вопросов, а не этнографическая, не племенная, не лингвистическая: это не умаление, не унижение "белорусского" или "западно-русского" народа, а упразднение бесполезных иллюзий, – народ русский один, как одно русское государство. Простое, пассивное стояние подле дела суживает, конечно, взгляд: сосредотачиваясь на одном предмете, теряешь способность видеть далеко".

Таким образом, "Виленский вестник" позиционировал себя как защитника "тружеников от несправедливых нападков добросовестных, но не знающих подробностей дела органов печати и недобросовестных корреспондентов, которые обратились на них от разного рода служебных неудач, раздраженного самолюбия и иных нехороших побуждений, конечно, не известных в слишком далекой от нас Москве. Не поляков же мы защищали, а своих, русских тружеников, чиновников, как говорит теперь "Голос" со слов "Вести". [...] Были, есть и всегда будут враги дела, – все равно [...], свои или чужие, сознательные враги или бессознательные. Глубоко прискорбно то обстоятельство, что эти враги прежде всего нашли себе защиту и прибежище в газете, редактор которой так искренно желает блага краю и всегда отличался безупречной добросовестностью. Эти господа называют самих себя "деятелями". Мы и наша фракция, по их словам, "чиновники"; пусть и так! Чиновники, – т.е. только исполнители дела, не мудрствующие лукаво. [...] Они делают дело, а не "деятели", "деятели" только мутят, да уж слишком любят загребать жар чужими руками" [17].

Однако Вильна для Де-Пуле и в самом деле была не Капуей. В январе 1868 г. вышел последний под его редакцией номер "Виленского вестника", а затем бывший редактор направил свои "интеллигентные силы" в Петербург, на службу Главному управлению военно-учебных заведений. В 1870–1875 гг. он будет инспектором Полтавской военной гимназии, после чего выйдет в отставку в чине действительного статского советника и до конца

жизни (1885 г.) посвятит себя литературному труду. Однако своё пребывание в Северо-Западном крае он вспоминал еще долго, а к волновавшим его тогда вопросам

обращался и годы спустя – тем более, что газетная полемика 1867 г. подтолкнула его к более глубокому изучению польского вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виленский вестник. 1866. № 148.
2. Виленский вестник. 1867. № 2.
3. Виленский вестник. 1867. № 5.
4. Виленский вестник. 1867. № 9.
5. Виленский вестник. 1867. № 10.
6. Виленский вестник. 1867. № 15.
7. Виленский вестник. 1867. № 19.
8. Виленский вестник. 1867. № 22.
9. Виленский вестник. 1867. № 25.
10. Виленский вестник. 1867. № 34.
11. Виленский вестник. 1867. № 41.
12. Виленский вестник. 1867. № 49.
13. Виленский вестник. 1867. № 56.
14. Виленский вестник. 1867. № 99.
15. Виленский вестник. 1867. № 107.
16. Виленский вестник. 1867. № 119.
17. Виленский вестник. 1867. № 124.
18. Виленский вестник. 1867. № 138.
19. Виленский вестник. 1867. № 239.
20. Виленский вестник. 1867. № 265.
21. Виленский вестник. 1868. № 1.
22. Де-Пуле М.Ф. Станислав-Август Понятовский в Гродне и Литва в 1794–1797 гг. Спб.: Типография Майкова, 1871. 255 с.
23. В.В. Розанов и К.Н. Леонтьев. Материалы неизданной книги "Литературные изгнанники". Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К. Н. Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014. 1182 с.

© А.Э. Котов, (akotov@inbox.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Экспо Профи

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ**
ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩАЯ ВЫСТАВКА

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

РЕКЛАМА

Организована по инициативе губернатора Ивановской области М.А. Мена
Действует при поддержке Департамента экономического развития Ивановской области